

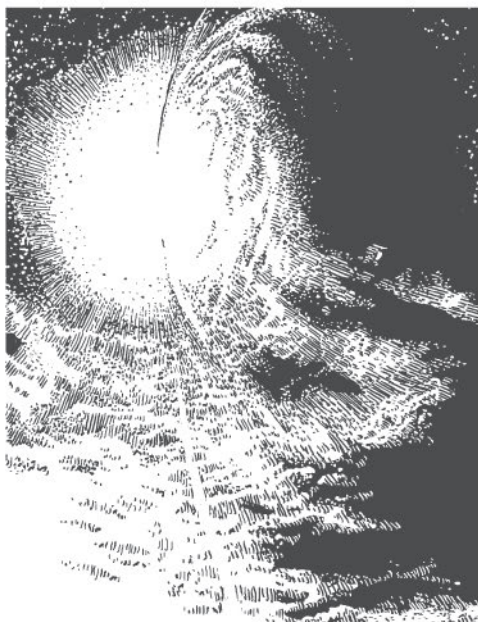

ВАСИЛИЙ ГОЛОВАЧЕВ

Реквием машине времени

Санкт-Петербург

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-445
Г 61

Оформление обложки Сергея Шикина

Иллюстрации Сергея Григорьева

Составитель Александр Жикаренцев

ISBN 978-5-389-14701-0

© В. Головачев, 2018
© А. Жикаренцев, состав, 2018
© Оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2018
Издательство АЗБУКА®
© Серийное оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2017
Издательство АЗБУКА®

Реквием машине времени

Часть первая

ПРЕЛЮДИЯ

1

Вездеход выгрузил их на лесной поляне, краем выходившей на покинутую деревню с необычным названием Скрабовка. В деревне уцелело всего несколько домиков, крытых соломой, серой от непогод и времени. Веяло от них запустением и старостью, неприкрытой крестьянской бедностью начала века, хотя водитель вездехода, местный старожил, рассказывал, что деревня покинута недавно, года четыре назад. Когда-то через нее тянулся Дятковский тракт, обходивший болото и приток Ветьмы Пожну, но потом болото пересохло, через Пожну построили мост, тракт опустел, а когда люди, соблазненные благами цивилизации, перебрались в райцентр, деревня захирела и умерла совсем.

— Не скучайте, — сказал белобрысый, словно в соломенном парике, водитель. — Через пару дней доставлю остальное ваше барахло. Ну, ни пуха...

Вездеход взревел по-бычьи, всплыл над землей, почти касаясь травы резиновыми бортиками воздушной подушки, и, ускоряя ход, пополз по дороге. Тугая воздушная волна пригнула траву, сдула пыль с поросшего подорожником и снытью тракта и сорвала с головы Рузаева берет.

Когда вездеход скрылся за деревьями, Сурен Гаспарян, одетый как на прием в посольстве, поставил на землю рюкзак, сел на него верхом и хмыкнул:

— Барахло! Слышали, как он о нашей аппаратуре?

— Кстати, — хладнокровно сказал Рузаев, подбирая и надевая берет, — в этом рюкзаке вся наша оптика.

— Правда? — удивился Гаспарян, продолжая сидеть. — То-то я чувствую седалищем что-то твердое...

Был он человеком, склонным к сдержанной насмешливости, и привыкнуть к его манере поведения удавалось не всем.

— А чуете, как здесь тихо? — сказал третий участник экспертной группы, высокий жилистый Иван Костров. — Благодать-то какая, эксперты! Соскучился я по лесной тишине.

— Да и я тоже, — признался Гаспарян. — Давненько нас не посылали в поиск. Только птиц здесь почему-то не слышно. Нас испугались, что ли?

Костров окинул взглядом грудку снаряжения.

— С чего начнем? Может, сразу пойдем к месту происшествия? — Гаспарян в раздумье покачал головой.

— Сначала поставим палатку, наведем порядок.

— У меня идея. — Рузаев посмотрел на низкое солнце. — Выберем одну из хат, и дело с концом.

— Ну уж нет, палатка лучше, — возразил Гаспарян. — Лично я не люблю спать с клопами и тараканами.

— Какие там клопы-тараканы? — махнул рукой Костров. — В домах уже четыре года никто не живет, насекомые давно сбегали. А вот сырости там хватает.

Через час они поставили две палатки: одну, четырехместную, для себя, другую для груза, который составляли нежная аппаратура и продовольствие.

— Теперь так. — Гаспарян поправил свою модную и строгую джинсовую двойку: сизо-синюю куртку с эмблемой «Вязники», расшитую бахромой и серебряной нитью, и такие же брюки. — Мы с Иваном пройдемся по лесу, а ты подежуришь в лагере, — обратился он к Рузаеву. — Все равно будешь битый час тупо смотреть в стенку палатки и вспоминать, зачем нас сюда послали.

Возражений не последовало. На монголоидном лице Миши Рузаева не дрогнула ни одна черточка. Характер у него был невероятно сдержанный, ровный и спокойный. К жутким выпадам Гаспаряна, которых поначалу пугались все в отделе, пока не разобрались, что за этим кроется избыток юмора, Рузаев относился так же хладнокровно, как философ к зубной боли.

Оставив Михаила хозяйничать в лагере, Костров и Гаспарян пересекли полянку, окруженную смешанным лесом, прошли мимо вросших в землю домов Скрабовки и оказались на заброшенной проселочной дороге, украшенной коровьими следами и узорчатыми полосами от велосипедных шин.

— Метров двести налево, — сказал Гаспарян. — И в лес?

— Вроде бы так, — согласился Костров, вспоминая, с чего все началось.

Два дня назад в Центр по изучению быстропеременных явлений при АН СССР пришла телеграмма из Брянска, в которой сообщалось, что над лесом возле деревни Скрабовки Жуковского района потерпел аварию вертолет энергохозяйства. Причины аварии расследовались линейным отделением милиции и были отнесены к компетенции научных органов. Что это были за причины, Костров толком не знал, но, будучи экспертом Центра, привык к неожиданным командировкам, зачастую не приносящим научных результатов.

— Черт! — сказал Гаспарян, сдирая с лица паутину. — Это уже четвертая.

Костров тоже дважды воткнулся головой в паутину, висящую между деревьями и кустами, но как заядлый грибник, давно привыкший к лесному неуюту, не обращал на это внимания.

— Сегодня на лесной поляне,
Среди широкого двора,
Воздушной паутины ткани
Блестят, как сеть из серебра, —

торжественно продекламировал он стихи Бунина и добавил с удовлетворением: — А грибы тут есть. Я уже два подосиновика нашел. Гарантирую завтра суп с грибами.

Лавируя между стволами редких осин и кустами акаций, они подобрались к краю болота, заросшего ивняком, осотом, ракитником и рыжим мхом. Болото пересекала цепочка ажурных мачт линии электропередачи, исчезающая в просеке недалеко от того места, где вышли эксперты.

Гаспарян ступил на пружинящий мох, остановился, предупреждая поднял руку. Костров сразу понял, что привлекло внимание начальника группы.

Рядом со старой сосной высился могучий полутораметровый муравейник. Однако он был безжизнен и оплетен паутиной до самого верха. На вершине муравейника лежала кверху лапками мертвая птица с серо-желтым оперением.

— Сорокопут? — неуверенно сказал Костров.

Гаспарян осторожно приблизился к муравейнику, осмотрел его, потрогал птицу и пробормотал:

— Как тебе это нравится?

Костров пожал плечами и пошел вперед.

Ближайшие кусты перед ним были почти сплошь оплетены паутиной, да в траве кое-где виднелись серебристые паутинные вуали, похожие на пятна изморози. Лес стоял мрачный, молчаливый, будто притихший перед грозой, и в его глубине кое-где виднелись на ветвях все те же паутины. Костров шагнул было к кустам, но Гаспарян поймал его за рукав.

— Не спеши, дорогой, к славе, она сама тебя найдет.

— Я только посмотрю, интересно же...

— Не спорю, но сегодня ничего смотреть не будем. Заметил, какая тут прорва паутин?

— Трудно не заметить, — пожал плечами Костров. — Михаила бы сюда, это больше по его части. Давай хотя бы поищем разбитый вертолет, из-за которого начался сыр-бор. Он где-то здесь.

Гаспарян посмотрел на небо — солнце вот-вот должно было зайти, но перечить не стал, сказал только:

— Вертолет не причина, а следствие. Неужели не догадался, из-за чего нас сюда прислали?

— Ты же знаешь, что меня вытащили из отпуска и я в институт не заходил, прямо из дома — на вокзал. Паутины?

— Они самые.

— Не вижу ничего загадочного.

Краем болота они вышли к просеке и молча остановились, разглядывая открывшуюся картину.

Просека была опутана паутиной так, что совершенно скрывалась в белесом «тумане», сквозь который проступали смутные контуры кустов, пней и опор. Некоторые узорчатые полотнища пересекали просеку от одной стены деревьев до другой и даже взбирались на опоры ЛЭП. Дальний конец просеки скрывался в сплошном белом мерцании, и смотреть туда было жутко и неприятно.

Гаспарян передернул плечами и стряхнул с куртки остатки паутины.

— Понял теперь? На районной подстанции диспетчер обнаружил утечку энергии, сначала небольшую, потом она возросла до... В общем, напряжение упало. Послали вдоль линии бригаду на вертолете. Дальше ты знаешь.

— Понятно. Значит, утечка была в этом районе?

— Именно. Электрики в паутинник сунуться побрезговали, посбивали кое-где паутину с проводов, а улетаая, напоролись на дерево.

— Живы?

— В больнице. К ним полетел Ивашура и кто-то из начальства, узнавать подробности. Милиция, в общем-то, разобралась в аварии, ну а нам придется разбираться во всем остальном. Кстати, я пауков с детства не люблю.

— Странно...

— Что не люблю?

— Нет, что именно нашу группу послали сюда. Мы же атмосферники, а не биологи. Разве что Михаил когда-то, в дремучем детстве, был не то зоологом, не то энтомологом.

— Он как-то иначе называл свою бывшую профессию... Но не важно. А послали нас сюда потому, что, во-первых, мы специалисты широкого профиля, я имею в виду группу, а во-вторых, в Центре толком не знали, с чем нам придется столкнуться. О паутинах, например, я узнал только от электриков. В крайнем случае, привлечем к работе узких специалистов.

Обратно шли молча, внимательно высматривая просветы между деревьями, чтобы не влезть в паутины, частота которых явно указывала на биологическую аномалию. Откуда-то пришло ощущение, будто из лесной чащи за ними наблюдает затаившийся хищник.

— Интересно, — сказал Костров, невольно понижая голос, — волки здесь водятся или всех переохотили?

— Гнать бы их надо! — ответил задумавшийся о своем Гаспарян.

— Волков?!

— Пауков. Вызвать бригаду санэпидстанции и...

В тот же момент сзади, у просеки, раздался гортанный, с металлическими модуляциями, страшный и странный крик. Длился он несколько секунд, взорвав тишину на осколки эха, и были в этом ледящем душу крике смертельная тоска, злоба и ужас!

Костров споткнулся от неожиданности и замер, прислушиваясь.

— Кто это?! — пробормотал Гаспарян, меняясь в лице.

— Упырь, — хрипло ответил Костров. — Погоди-ка...

Где-то недалеко послышался еще один крик, человеческий:

— ...а-ан!.. ре-е-ен!..

— Наверное, Миша зовет!

Не сговариваясь, оба бросились сквозь чащу к дороге, но вскоре выяснилось, что тревожились они напрасно. Рузаев звал их в ответ на чужой вопль. Толком не поняв, кто кричит, он вскочил и опрокинул в костер котелок с чаем.

— Один-ноль в пользу крикуна, — прокомментировал Гаспарян, переводя дух. — Мне казалось, тебя ничем не проймешь.

— Мне тоже так казалось, — проговорил Рузаев. Он был эвенок, но по-русски говорил всегда чисто, разве что чуть замедленно. Но сейчас в его речи явственно звучал акцент.

— Кто кричал?

— Леший, — предложил вторую свою гипотезу Костров и пошел умываться.

Чай в этот вечер они пили поздно.

2

Под утро Кострову приснилось, будто он взобрался на высокую скалу, ощущая восторг от распахнувшейся дали, и шагнул с нее прямо в воздух. С минуту он парил на той же высоте, вольный и легкий, как луч солнца. Под ним в синей дымке растянулся лес, теряющийся за горизонтом, извилистой фиолетовой лентой текла река, выпирали из леса рыцарские шлемы сопков... Деталей он не различал, был занят собой, общим состоянием сказочной легкости и управляемости тела. С легкой грустью Костров подумал, что видит Красноярский край, вспомнил отца, умершего семь лет назад. «Надо навестить родственников, скажут — забыл... Вот прямо сейчас и полечу, чего откладывать!» И вдруг с ужасающей отчетливостью внизу показалась огромная паутина, накрывшая лес на несколько километров. «Откуда здесь паутина?» — успел подумать он и сразу же начал падать, быстро и неудержимо. Со страшной скоростью засвистел мимо воздух, мир сжался до размеров глубокого колодца, в который он влетел стремительным болидом. А когда удар о землю казался неминуемым, тяжелое сердце в диком ускорении оторвалось, пробило грудную клетку и взорвалось впереди огненным фонтаном...

Осторожно пощупав левую сторону груди, Костров выглянул из палатки. В трех метрах от нее горел костер, у которого возился Рузаев. Пахло дымом и рыбным супом.

— Незаменимый ты человек, Рузаев! — с чувством сказал Костров. Но тут ему на голую спину стекла с полога палатки холодная струйка воды. Он взвыл и разбудил Гаспаряна.

Через час, позавтракав и поразмышляв о причинах вечернего крика, все трое шагали по мокрой, седой от росы траве к дороге, увешанные своей драгоценной, осточертевшей за долгие месяцы экспедиций аппаратурой. Недалеко от места, где вчера экспертов

застал крик, они совершенно случайно обнаружили останки разбитого вертолета.

Здесь тоже было полно паутины: на траве, на кустах орешника, на ветвях берез и нежнокорых осин. Стальной винт вертолета успел покрыться густой ржавчиной, хотя авария произошла всего два дня назад, и все кругом было буквально напиговано паутинами разных сортов и рисунков.

— Откуда их здесь столько, братцы? — удивился Рузаев, отбросив на мгновение свою природную невозмутимость.

— Оттуда, — пояснил Гаспарян, сдирая с лица удивительно прочные нити, и прошипел: — Гадость! Ты, кажется, зоолог по образованию? Классифицируй, тебе и карты в руки. Кстати, обратите внимание: в лесу полностью отсутствуют насекомые.

— Что же тут удивительного? — буркнул Костров. — Начало осени. Но вот птиц действительно не слышно.

Ступая по жухлой осенней траве, он приблизился к вертолету.

Стабилизирующий винт машины валялся в стороне, лонжероны заднего стабилизатора были погнуты, лобовое стекло отсутствовало, кабина была смята.

— Ударились они прилично! Слышишь, металловед? — обратился Костров к Гаспаряну. — Ржавчина уже по твоей части. Кабина тоже насквозь проржавела, даром что дюралевая.

— Ладно, ладно, — произнес Сурен. — Металловед я бывший, но распределять обязанности положено мне. Разбирайте аппаратуру. От вертолета наметим границы спокойной зоны, а дальше к просеке надо держать ухо востро, без датчиков не вздумайте шагу ступить.

— Не чересчур? — спросил Рузаев, останавливаясь рядом с Костровым. — Никогда не видел такой паутины! Смотри, Иван, белая как снег! — Он дотронулся до края паутины пальцем и резко отдернул руку.

— Ах ты!.. Жжется! — пояснил в ответ на удивленные взгляды товарищей.

Гаспарян подошел ближе, сунул палец в паутину и тут же отдернул. Потом достал электрометр и приблизил чувствительный элемент прибора к паутине.

— Электростатический заряд, — сообщил он через минуту, — мне добавить нечего. Миша, обычная паутина проводит электричество? Или она диэлектрик?

— Не знаю, — подумав, сказал Рузаев. — Скорее проводник.

— Специалист, — в тон ему сказал Гаспарян. — Вот что, дорогие мои, давайте уясним себе правило: с этой минуты ничего не трогать руками. У нас есть щупы, зонды, пинцеты, перчатки... Договорились?

— Как прикажете. — Рузаев вдруг шарахнулся от вертолета. Сверху, с козырька над дверцей, метнулось к нему круглое черное тело диаметром около пятнадцати сантиметров, пролетело над головой, сочно шлепнулось в центр паутины и мгновенно исчезло, оставив после себя слабый запах эфира.

— Вот и паучок пожаловал, — сказал Сурен со смешком. — Симпатичный такой!.. Птиц, значит, они уже сожрали, теперь очередь за нами.

— Я, конечно, не разглядел как следует, — проговорил Рузаев, придя в себя, — но, скорее всего, это сольпуга, а не паук.

— Соль... что? — спросил Костров.

— Сольпуга — фаланга из семейства паукообразных. Сольпуги неядовиты, так что бояться их нам вроде бы нечего.

— А паутину они, эти сольпуги, плетут? — осведомился Гаспарян.

— Н-нет... кажется, нет.

— Вот видишь! — Гаспарян с треском захлопнул футляр электрометра. — Эксперты! Специалисты, так сказать! Помощники!.. Надеюсь, ты прав и пауки неядовиты. Как вы думаете, сюрпризы еще будут?

Рузаев с иронией развел руками:

— Гарантировать не могу, но кажется мне, что все еще впереди.

— Михаил-пророк! — фыркнул Костров.

Гаспарян посмотрел на часы:

— Ну-с, джентльмены, за работу.

Солнце поднялось уже высоко, исчезла с кустов и травы роса, день обещал быть по-летнему жарким.

Вскоре эксперты закончили измерение локальной полевой обстановки в радиусе километра вокруг просеки с ЛЭП, произвели соответствующие записи в журнале и полюбовались на свои вытянутые физиономии. Радиационный, а также магнитный, электрический и прочий фон оказался в норме. Приборы не фиксировали аномалий электромагнитного характера вроде тех, что были отмечены возле разбитого вертолета и у линии электропередачи. В последнем случае это было нормальным явлением:

ЛЭП работала и «гнала» свои двести пятьдесят тысяч вольт потребителям в городах и поселках района.

Правда, одна аномалия все же была — биологическая. Концентрация паутины в одном месте на трассе ЛЭП, в районе просеки, была очевидной. Она не отражалась электронными символами на экранчиках приборов и обладала только одним достоинством — наглядностью.

— Сядем, покурим, — предложил Рузаев, доставая сигареты.

Костров отказался, Гаспарян машинально взял одну и тут же вернул: он не курил, как и Иван.

В целях безопасности они вышли из «паучьей зоны» и расположились отдохнуть на берегу Пожны, здесь она была лишь ручьем шириной метра полтора.

— Что же мы имеем? — пробормотал Гаспарян. — А имеем мы без малого нуль информации. Странное нашествие пауков — раз, утечку электроэнергии на линии — два, самих пауков, не похожих на пауков, — три, крик ночью — четыре. Все?

— Ржавый вертолет — пять, — подсказал Костров. — Отсутствие живности в лесу — шесть да еще сверхпрочная паутина-диэлектрик! Больно ты пессимистичен, начальник. У нас материала уже на приличную сенсацию, а ты — «нуль информации»!

— Нужна аппаратура физико-химического анализа, — сказал Рузаев, затягиваясь. — Иван прав, набор проблем хорош. Но тем интереснее с ним работать. И неплохо бы достать какие-нибудь комбинезоны или спецовки, что ли, а то лазить по лесу в наших костюмах несподручно. Хорошо хоть сапоги догадались взять. Я их достал из мешка, можете надевать.

— Вечером схожу в райцентр и позвоню Ивашуре, — пообещал Гаспарян. — Спецовки он привезет. Что касается моего пессимизма, то обосновать его я не могу. Тревожно что-то на душе, друзья мои. Не нравится мне паучье нашествие.

— Обычная вспышка биологической активности, — предложил идею Костров. — Вы не хуже меня информированы о таких вспышках среди леммингов, крыс, саранчи. Вспомните «красные» приливы в Атлантике, когда по каким-то причинам начали бурно размножаться красные водоросли. Вот и здесь нечто подобное: нарушилось где-то экологическое равновесие, и среди пауков вспыхнула «эпидемия» размножения.

— Не годится даже в качестве прикидочной гипотезы, — покачал головой Рузаев. — Слишком много несоответствий. Во-первых, трудно представить, из-за какого экологического фактора

начали плодиться пауки. Во-вторых, судя по виду, это не пауки вовсе, а сольпуги, хотя утверждать не берусь — разглядеть не было времени. Да и родина сольпуг — юг Туркмении, так что непонятно, откуда они взялись в умеренной зоне России. И в-третьих, обычная паутина непрочная, а эта словно соткана из шелковых ниток! К тому же накапливает электрические заряды!

— Чувствуется профессионал! — сказал Гаспарян. — Да, Иван? Зоолог я хреновый, но меня Михаил убедил. Что будем делать дальше, джентльмены? Ваши предложения?

— Давайте попробуем пробиться к просеке со стороны леса, — предложил Костров, спокойно отнесшийся к «разгрому» своей идеи. Он был самым высоким в их компании и самым молодым. Лицо открытое, слегка скуластое, курносое, глаза карие. Друзья любили его за добрый нрав и бесстрашие, когда дело касалось критических ситуаций в экспедициях Центра: надежен, смел и удачлив. И не было случая, чтобы он дрогнул перед опасностью, спасовал или струсил. Фамилию свою Костров целиком и полностью оправдывал: он виднелся издалека, и не столько из-за роста, сколько из-за огненно-рыжей шевелюры.

— Зачем тебе просека? — спросил Гаспарян.

— Может быть, найдем причину скопления паутины именно в том месте. Судя по всему, там паучий центр.

— Резонно, — заметил Рузаев. — Только поход к просеке я бы отложил: нужна, как я уже говорил, спецодежда, да и рация для связи. А вот экземпляр паука нам бы не помешал. Пожалуй, я займусь ловлей. Если ты не возражаешь, — добавил он дипломатично.

Гаспарян кивнул:

— Согласен. В крайнем случае сфотографируйся с пауками вместе на память, а мы с Иваном нанесем на карту особо запаутиненные места и начнем исследовать свойства паутин. Кстати, кто у нас сегодня дежурный по кухне? — Он посмотрел на Кострова.

— Михаил начал — ему и кончать, — быстро среагировал тот.

Гаспарян хмыкнул, посмотрел на каменное лицо Рузаева.

— Логично мыслит, да, Михаил?

— Подежурю, — коротко ответил Рузаев.

К вечеру они закончили намеченные работы только наполовину: Рузаев истратил цветные фотопленки и километр кинопленки, снимая паутины, пауков и лес, но паука поймать не смог.

Костров и Гаспарян определили координаты паутинных скоплений, однако на изучение паутин не хватило времени. Начальник группы в половине седьмого ушел в райцентр, надеясь засветло вернуться.

Костров, не обращая внимания на мрачные пророчества Рузаева относительно его здоровья, с наслаждением искупался в Пожне, найдя неподалеку от лагеря бочаг глубиной около двух метров. Вода была холодная и чистая до полной прозрачности.

Во время ужина у Кострова разыгралось воображение, и он выдал две гипотезы, которые Рузаев уничтожил неторопливо, методично и основательно, словно «сыпал» завравшегося диссертанта.

— Ну а у тебя самого есть собственная гипотеза? — спросил задетый за живое Костров.

— Есть, а как же, — невозмутимо проговорил Рузаев. — Я лично считаю, что *Carthago delenda est*¹.

Ошеломленный познаниями товарища в латинском языке, Костров повертел головой и не нашелся что ответить.

Так как на следующий день дежурить по биваку была его очередь, а от судьбы, как известно, не уйдешь, Иван решил заранее сходить к реке и набрать два ведра воды.

Закат пламенел на полнеба, предвещая ветер, глухо шумел лес, наполненный тысячерукими тенями, покинутый зверем, птицей и насекомыми. Это отсутствие животного мира действовало на нервы больше, чем паутины в лесу. Дома на краю деревни казались угрюмыми склепами, стерегущими сон покойников, и Костров, далеко не робкий по натуре, под влиянием таинственной и мрачной атмосферы засвистел.

Дойдя до речки и зачерпнув воды, он не сразу понял, что на его свист откликается довольно необычное эхо. Он остановился, перестал свистеть и прислушался. Это было не эхо. Из леса слева от тропинки доносился тихий прерывистый свист, даже не свист — писк. Он смолк почти сразу, как только Костров прекратил свистеть, и дважды возобновлялся в ответ на переливчатые рулады полонеза Огинского. Кто-то помогал Кострову солировать.

Продолжая насвистывать, Иван поставил ведра с водой, нашел подходящий сук и метнул его в чащу, откуда доносился писк.

¹ «Карфаген должен быть разрушен» — слова римского патриция Катона-младшего, которыми он обычно заканчивал свои речи в Сенате (*лат.*).

И тут же из леса раздался вопль, похожий на тот, что поразил их в первый вечер. Он прозвучал резко и сильно, полный тоски и злобы, и Костров невольно отскочил на середину тропинки, прямо на ведра.

С минуту он прислушивался к шорохам леса, готовый бежать или драться, потом подобрал ведра и снова пошел за водой.

— Кто-то кричал? — спросил его сонный Рузаев, когда он принес воду и молча залез в спальный мешок.

— Я, — ответил Костров.

Гаспарян пришел поздно ночью, усталый, злой и возбужденный.

Костров, спавший вполсна, повернул голову в сторону негромких проклятий, доносившихся сквозь храп Рузаева, и спросил:

— Ты, Сурен?

— Спи, спи, дорогой, — отозвался Гаспарян. — Хорошо хоть в палатке пауков нет. Вот ведь дряни наплодил Господь Бог при сотворении мира! Кого он хотел этим удивить — ума не приложу.

— Что случилось?

— Да ничего особенного. Устал как собака, километров двадцать отмахал туда и обратно да еще драпал километра три...

— От пауков? — засмеялся Костров.

— Кто его знает. Где старый брод через Пожну, помнишь? Проезжали, водитель показывал... Нет? Впрочем, все равно. Темно, понимаешь, кругом, жутко — птицы молчат... А возле дороги что-то светится в кустах, как два глаза... И такая в них тоска — не передашь!.. Кинул я туда камешек...

— А оттуда как заорет! — досказал Костров.

— Точно! Как догадался? Слышал?

— Слышать не слышал, но со мной тоже произошел случай.

Гаспарян прыснул.

— Ну и мчался же я! Наверняка установил рекорд в беге с препятствиями! Ты тоже?

— Нет, я прыгнул в длину метров на семь без разбега, прямо в ведра с водой.

Они засмеялись вдвоем, всхлипывая, давясь, и хохотали до тех пор, пока не проснулся Рузаев.

— Вы что, с ума посходили? Два часа ночи, а они ржут! Анекдоты травите, что ли?

— Извини, Михаил, — сказал изнемогший Гаспарян, вытирая слезы. — Разрядка за день.

СОДЕРЖАНИЕ

РЕКВИЕМ МАШИНЕ ВРЕМЕНИ. *Роман*

Часть первая. Прелюдия	7
Часть вторая. Одни мы	61
Часть третья. Над миром	145
Часть четвертая. Владыки	229

НЕПРЕДВИДЕННЫЕ ВСТРЕЧИ. *Повесть*

Часть первая. У порога. Грант	307
Часть вторая. Спасательный рейд. Сташевский	352
Часть третья. Посвящение в истину. Габриэль	399

ПРИШЕСТВИЕ. *Роман*

Часть первая. Оборотень. Грехов	443
Часть вторая. Предупреждение. Диего	499
Часть третья. Дурман неизвестности. Люди	550

СПЯЩИЙ ДЖИНН. <i>Повесть</i>	599
------------------------------------	-----

Головачев В.

Г 61 Реквием машине времени : романы, повести / Василий Головачев. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. — 800 с.

ISBN 978-5-389-14701-0

Сегодняшний гранд-мастер отечественной фантастики первый свой рассказ опубликовал в 1969 году, а к середине 1980-х годов уже прочно обосновался в жанре, сделавшись одним из самых читаемых и успешных авторов своего поколения. Сегодня на счету писателя более 60 романов, множество рассказов и повестей, а общий тираж его книг превысил 20 миллионов экземпляров и продолжает расти. Василий Головачев лауреат многих фантастических премий, включая такие звездные, как «Золотой кадуцей», «Аэлита», «Золотой шлем» (приз Фонда РФ «Третье тысячелетие»), кавалер Ордена рыцарей фантастики (третий после Кира Булычева и Владислава Крапивина), его именем названа звезда в созвездии Близнецов.

В том избранного Василия Головачева вошли произведения, определившие творческую манеру писателя и сделавшие ему имя как среди коллег по фантастическому цеху, так и среди многочисленных любителей жанра. Повесть «Реквием машине времени» дается в раннем, внецикловом варианте.

Сборник издается к 70-летию мастера.

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос-Рус)6-445

ВАСИЛИЙ ГОЛОВАЧЕВ РЕКВИЕМ МАШИНЕ ВРЕМЕНИ

Ответственный редактор Александр Етоев
Художественный редактор Сергей Шикин
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Елены Долгиной
Корректоры Ирина Сологуб, Юлия Теплова, Анна Быстрова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 25.04.2018. Формат издания 60 × 90 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 50. Заказ № .

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

12+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru
В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru
В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaoon.kiev.ua
Информация о новинках и планах на сайтах: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru
Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

И-МФД-22981-01-Р